
А. Д. СОИМОНОВ

«ПЕСЕННАЯ ПРОКЛАМАЦИЯ» П. В. КИРЕЕВСКОГО

Исследователями собрания песен П. В. Киреевского давно разыскивается знаменитая «Песенная прокламация», с которой Киреевский обратился к широким кругам общественности с призывом собирать русские народные песни. Значение «прокламации» заключается в том, что это — первый известный в русской науке документ такого рода и, кроме того, документ, характеризующий программу собирательской деятельности Киреевского конца 30-х годов XIX в.

М. К. Азадовский, проделавший большую работу по выяснению истории создания этой «прокламации», нашел следы ее в статье С. А. Раевского, напечатанной в одном из прибавлений к «Олонецким губернским ведомостям». Тщательно изучив деятельность Раевского во время пребывания его в ссылке в Петрозаводске и установив его связи с Киреевским, Азадовский пришел к выводу, что обнаруженная им статья и является вместе с тем первой публикацией обращения Киреевского¹. «Это обращение Киреевского,— пишет Азадовский в «Истории русской фольклористики»,— считалось долго утраченным и только недавно обнаружено в Олонецких губернских ведомостях (1838, Прибавления XII), где оно оказалось включенным в статью С. Раевского»². Наблюдение М. К. Азадовского о включении обращения Киреевского в эту статью Раевского, бывшего тогда редактором «Олонецких губернских ведомостей», совершенно правильно. Однако подлинный текст обращения и его первая публикация все же не были обнаружены, что привело исследователя к несколько поспешным выводам, касающимся истории создания «прокламации» и характера использования ее Раевским.

При изучении архива Языковых, хранящегося в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, автором настоящего сообщения было найдено письмо А. М. Языкова, в котором, в частности, говорится: «[Петру] [Михайловичу] доставил еще некто Минаев несколько песен удивительных, особенно одна из них привела в исступление всю сим[бирскую] публику; Губ[ернатор] просил позволения доставить ее Блудову с эстафетой, брат разумеется не дал — это следствие объявления в Симбирских ведомостях»³.

Письмо датировано 13 августа 1838 г. Петр Михайлович, о котором идет речь, был старшим из братьев Языковых, принимавшим особенно деятельное участие в собирании песен для Киреевского. Минаев, названный в письме,— местный симбирский помещик. Доставленные им песни, которые так понравились «симбирской публике» и губернатору, оказались фальсификацией, что впоследствии было установлено еще самим Киреевским.

Но дело в данном случае не в этом; письмо оказалось особенно ценным в том отношении, что оно дало точные указания на публикацию столь долго разыскиваемой «прокламации» Киреевского. На основе сведений, содержащихся в этом письме, научный сотрудник Пушкинского Дома АН СССР З. И. Власова, по нашей просьбе,

¹ М. К. Азадовский, Фольклоризм Лермонтова, «Литературное наследство», 1941, № 43—44, стр. 240—244; его же, История русской фольклористики, т. I, М., 1958, стр. 335—336.

² М. К. Азадовский, История русской фольклористики, т. I, стр. 336.

³ Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, фонд Языковых, 19.4.92 (Яз., II, 53) (далее — Архив Языковых).

просмотрела «Симбирские губернские ведомости» за 1838 г. и обнаружила там подлинный текст обращения Киреевского по его первоначальной публикации⁴.

Приводим этот текст полностью:

«О собирании русских народных песен и стихов»

Желая сохранить остатки нашей народной поэзии, особенно песни и так называемые стихи, мы собрали в течение нескольких лет и приготовили к печати большое их количество. Опыт нам показал, что необходимо спешить собиранием этих драгоценных остатков старины, приметно исчезающих из памяти народа с переменою его нравов и обычаев, что важно и в этом деле общее участие всех дорожащих спасением нашей своенародной словесности от конечного ее истребления и что для полного издания песен и стихов необходимо, чтобы они были записаны везде, где это возможно.

При записывании песен особливо могут быть полезны люди престарелые, они более дорожат верностью дошедших до них песен и менее подвергались нововведениям. Записывать должно сначала со слов, потом поверять с голоса, ибо люди, привыкшие петь песни, обыкновенно лучше вспоминают их, когда поют, нежели когда рассказывают.

Песни, которые поются в народе, должны быть записываемы слово в слово, все без изъятия и разбора, не обращая внимания на их содержание, краткость, нескладность и даже кажущееся бессмыслие: иногда поющий смешивает части нескольких песен в одну, и настоящая песня открывается токмо при сличении многих списков, собранных в различных местах.

Стихи, каковы: о Лазаре Убогом, об Алексее Божьем человеке, о Страшном суде, о Борисе и Глебе и проч., — поются нищими, особенно слепыми (всего чаще на ярманках) и вообще простолюдными во время постов. Записывать их также удобнее сперва со слов, а потом поверять с голоса. Они заслуживают особенного внимания потому, что никогда издаваемые не были, хотя заключают в себе высокую поэзию предмета и выражения.

Надеясь, что соотечественники наши примут участие в этом общественном деле, мы покорнейше просим доставлять стихи и песни в г. Симбирск на имя г. гиттенфервальтера Петра Михайловича Языкова.

П. Киреевский
Н. Языков
А. Хомяков».

Таким образом, приведенный здесь текст — подлинная «Песенная прокламация» П. В. Киреевского, дающая нам право сказать, что она теперь действительно найдена. История ее создания следующая. В 1837 г. П. В. Киреевский, готовя к изданию первый том своего песенного собрания, задумал вместе с Н. М. Языковым обратиться к общественности с призывом собирать русские народные песни. Этому обращению они придавали большое значение, назвав его в личной переписке латинским термином «прокламация», в смысле «всенародное объявление». Замысел этот П. В. Киреевскому и Н. М. Языкову удалось осуществить не сразу. Только весной 1838 г., когда Киреевский приехал в Симбирск, чтобы сопровождать больного Языкова за границу, и задержался здесь на два месяца из-за распутицы, «прокламация» была написана и опубликована в «Симбирских ведомостях». О пребывании Киреевского в Симбирске и его работе там мы узнаем из письма А. М. Языкова к В. Д. Комовскому от 20 марта 1838 г. В этом письме говорится: «Я уже писал вам о приезде сюда П. В. Киреевского; он зазимовал здесь по причине распутицы и теперь разбирает наши семейные архивы... Приезд [Киреевского] оживил собирание песен; многие дремавшие делатели снова очнулись и сделали зависящие от них распоряжения»⁵.

Естественно, что при таких обстоятельствах Киреевский имел возможность вместе с Языковым заняться «прокламацией» и опубликовать ее в «Губернских ведомостях», которые как раз с 1838 г., по указу министра внутренних дел Блудова, начали выходить в свет.

Теперь может быть поставлен вопрос о том, как она попала к С. А. Раевскому и в какой мере была им использована? О том, какими путями к Раевскому попала «Песенная прокламация», пока ответить трудно.

⁴ «Симбирские губернские ведомости», 14 апреля 1838 г., Прибавления, № 14, Частные извещения, II.

⁵ Архив Языковых, 19.4.104 (Яз. IV. I), № 131. Полностью настоящее письмо публикуется в очередном номере «Литературного наследства», посвященном собранию песен Киреевского.

Возможно, что Киреевский и Языков, будучи заинтересованы в широком распространении своей «прокламации», передали ее Раевскому. В этом случае можно допустить, что они распространяли ее и среди других лиц и тогда не удивительно будет, если она обнаружится еще в каком-то из местных повременных или периодических изданий.

Но возможен и другой путь. С. А. Раевский, будучи назначен редактором «Олонецких губернских ведомостей», был заинтересован в создании «Прибавлений» к ним, которым он придавал большое значение, как отмечает Н. Бродский в работе о Раевском⁶. При этом уже в передовой статье к первому номеру «Прибавлений» к «Олонецким губернским ведомостям», напечатанной 4 июля 1838 г., Раевский призывал к изучению местного края. Заинтересованный в собирании такого материала, он мог быть осведомлен о публикации «Песенной прокламации» в «Симбирских ведомостях» и взял ее для своей статьи. Если учесть, что в «Симбирских ведомостях» она была опубликована 14 апреля, а статья Раевского «О протонародной литературе» начала публиковаться с 8 октября 1838 г., то это предположение кажется наиболее вероятным.

Имея возможность сравнить обе публикации, мы можем сказать теперь, насколько обращение Киреевского использовано в статье С. А. Раевского: он приводит всю «прокламацию» дословно, за исключением последнего абзаца и подписей под ней. Но и эту часть он использует, предпосылая тексту «прокламации» следующее пояснение: «Почтеннейшие литераторы наши П. Киреевский, Н. Языков и А. Хомяков, желая сохранить остатки нашей народной поэзии и т. д.»⁷.

Таким образом, со слов «желая сохранить» начинается текст «прокламации»; она публикуется, включая предпоследний абзац, где говорится о духовных стихах, которые «заключают в себе высокую поэзию предмета и выражения». Ниже в статье Раевского указывается также адрес гиттенфервальтера, т. е. горного чиновника 10-го класса П. М. Языкова, которому следует посылать материал, вместе с просьбой сообщать его редакции «Олонецких ведомостей» для публикации. «Обращаемся к почтенным любителям, ценящим эти черты народности нашей,— пишет Раевский,— с предложением записывать их и сообщать редакции для напечатанья или доставлять по адресу: в г. Симбирск на имя гиттенфервальтера П. М. Языкова»⁸.

Таким образом, весь последующий текст статьи Раевского, начиная со слов «Простой народ Олонецкой губернии», в том числе и раздел о плачах, как справедливо указывал М. К. Азадовский, принадлежит уже самому Раевскому.

Такова в кратких чертах история создания и публикации «Песенной прокламации» П. В. Киреевского.

В заключение необходимо сказать несколько слов о самой «прокламации». Она была написана в тот период, когда П. В. Киреевский и его ближайшие друзья и помощники по собиранию песен, к числу которых, прежде всего, относятся П. М. и А. М. Языковы, уже обладали большим опытом собирательской работы и располагали обширными фольклорными материалами. Как видно из текста обращения, они предъявили строгие, подлинно научные требования при записи народных песен, которые в основе полностью соответствуют современным научным требованиям, предъявляемым фольклористам-словесникам. Следует обратить внимание на то, что они предлагают записывать песню не только со слов, но и с голоса, при этом сохраняя все «слово в слово», без изъятия и разбора. В 30-е годы прошлого века, когда существовало еще узаконенное правило исправлять, редактировать народные песни по усмотрению собирателей, такое требование намного предвосхищало развитие науки. Отсюда мы можем судить и о качестве записей Киреевского и братьев Языковых; эти записи сохранены до нашего времени в рукописях и полностью до сих пор еще не опубликованы. Мы имеем основание полностью доверять этим записям.

Нельзя далее не отметить, что при краткости «прокламации», рассчитанной, очевидно, на то, что она может быть переписана и распространена как инструкция, в ней содержатся и определенные программные требования. Наиболее отчетливо это сказывается в рекомендации обращать особое внимание на запись духовных стихов. Особый интерес Киреевского к духовным стихам в конце 30-х годов был не случайным. В этот период оформляется славянофильство как течение русской общественной мысли и вместе с тем — славянофильская фольклористика, которая ищет в народном творчестве прежде всего выражения религиозного мирозерцания народа. Киреевский был одним из тех, кто «открыл» для славянофильской фольклористики духовные стихи и ввел в науку этот термин.

В 1838 г., когда П. В. Киреевский приехал в Симбирск к Языкову, у него был подготовлен к печати сборник песен, который составлялся им начиная с 1833 г. еще при участии А. С. Пушкина. Первый выпуск этого сборника 4 марта 1838 г. прошел цензуру и был готов к изданию. Однако, как известно, сборник не увидел света. Здесь главную роль сыграл пересмотр Киреевским в этот период своих идейных по-

⁶ Н. Бродский, Святослав Раевский, друг Лермонтова, «Литературные наследство», т. 45—46, М., 1948, стр. 301—322.

⁷ «Олонецкие губернские ведомости», 8 октября 1838 г., Прибавления.

⁸ «Олонецкие губернские ведомости», 15 октября 1838 г., Прибавления.

зий в отношении народного творчества. Находясь в Симбирске вместе с Языковым и после поездки с ним за границу, Киреевский пришел к решению отказаться от разработанного им ранее плана издания сборника народных песен с тем, чтобы начать готовить его непосредственно с духовных стихов. Он приостановил ранее подготовленный им и прошедший цензуру первый выпуск этого издания. Таково было прямое воздействие славянофильских идей на деятельность Киреевского как фольклориста в конце 30-х годов.

Все это по-своему отразилось и в «Песенной прокламации». Отсюда, совсем не случайно, как может показаться на первый взгляд, среди людей, подписавших прокламацию, оказался А. Хомяков. Хомяков не был известен как собиратель песен, но зато он становился достаточно известным как виднейший деятель славянофильства. А так как обращение было не только инструкцией, но и в каком-то отношении программным документом зарождавшейся славянофильской фольклористики, его подпись здесь была вполне уместна. Таковы некоторые фактические данные, относящиеся к «Песенной прокламации» Киреевского, представляющей собой ценнейший документ для истории русской фольклористики.
